

ВОЛЖСКОЕ СЛОВО

№ 139

СРЕДА 2-го (15-го) июля 1914 г.

Адрес редакции: Самара, Дворянская ул., соборная поляна, № 132. Телефон № 30.

№ 2017 в.

Из воспоминаний об А. П. Чехове.

В печати появились новые воспоминания о Чехове. Посвященная памяти Чехова, очередная история „Солнца России“ оловых таких воспоминаний.

Целые дни вспоминали А. П. Вишневецкого, прошедшего вместе с А. П. и его женой (С. Л. Книппер) лето в Люблиновке, на даче К. С. Станиславского.

Надв всей жизнью в Люблиновке царил своеобразный юмор А. П. Было много приколов и таких сцен, которые достойны, как говорил Валя Г. „Дядя Ваня“, кисти Айвазовского.

— Уже самый приезд в Люблиновку, — рассказывает А. П. Вишневецкий, — ле обомсая без маинского курса. Уважая из Москвы, мы приехали на вокзал к первому звонку. И помог, тогда еще большой, Ольг Леонардович устроиться в вагон, распределить наши багажи. Егор Павлович куда-то исчез, и мы начинаем уже возмущаться. Был второй звонок, а это все нить. Какое-то, я леу его не могу и вернуть назад. — Я слышу Антоны Павлович. У него радостное лицо, и в руках две бутылки пива. Должен оговориться, что не только самое пиво, но даже разговоры о нем доставляли тогда Антоны Павловичу большое удовольствие; но угождать ему с пивом было чрезвычайно трудно. Какое пиво, какого завода ему хочется, — невозможно было узнать. Когда я увидял его за жвалом, обтучившись с пивом, он велел на весь перрон вскричал шепотом: „послушайте, наконец, я желал давно желанное пиво“. Мы услыхав в вагон и поехали. „Мы будем пить чудесное пиво“, — повторял всю дорогу А. П.

— Знакомые А. П., О. Л. и мои так нас „заговорили“ и засуетились, что когда мы подъехали к Тарасовке, где поезд стоит две минуты, мы еле успели вынести наши багажи, и поезд укатил далее. Каково же было удивление А. П., когда я спросил его: „А где же Ваше пиво?“ Оказалось, он его забрал в вагон. Он был так огорчен, что я до сих пор не могу забыть выражения его лица. Потом он долго смеялся. Я утешил его, обшая, что завтра поеду в Москву и привезу ему такое же пиво. Действительно, я привез каждый день рано утром в Москву (тогда строился наш театр) и всякий раз, когда я привозил ему пиво, он говорил, что это все не то“. Я привозил ему на пробу пиво разных заводов. Наконец, однажды ему понравилось какое-то — и он просил привезти ему дюжину бутылок. На другой день за обломом он находил, что это пиво уже „не то“, и на все мои убедительные доводы отвечать: „Егору (даже Станиславского) лучше жить, и он перестанет пить пиво из этой бутылки в дугую и портить его“.

К. С. Станиславский, уважая с семьей за границу, предоставил Чеховым и Вишневецкому свою дачу со всеми удобствами и прислугой, до Егора включительно. Этот Егор служил у К. С. очень давно, и весь А. П. все чаще и чаще стал убеждать. Вера, что служить ласком „оскорбительно для человека“ и советовал ему оставить службу, выучился счетоводству и поступить куда-нибудь конторщиком. Каково же было удивление К. С., когда, когда, по возвращении из-за границы, Егор заявил ему, что он учиться счетоводству и больше у него не желает служить. Узнав это, Антоны Павлович катался по полу от смеха; он был очень доволен. И действительно, Егор впоследствии отлично устроился.

Однажды, сидя на берегу реки А. П. громко разбился. Вишневецкий, не зная в чем дело, так заравился его смехом, что долго продолжал вторить ему. Сквозь смех он сказал:

— „Не нужно играть Артему и псевдонимских пьесках“.

Он видел в Художественном театре пьесу Ибсена „Дикая утка“. В ней Артем выходит на сцену с выношенными кроликом в руках. Это вспоминал А. П. и очень разбился его.

Вь чудот равн он смеял. Вишневецкому.

— „Был бы я теперь хотел жить в Лондоне, ведь там можно идти на улицу, проповедывать новую веру, и никто тебе ничего за это не сдлает“.

Ежедневно из Москвы А. П. привозили корреспонденцию и газеты. Он получал почти все провинциальные газеты и говорил, что это доставляет ему большое удовольствие, так смех из них он получает много интересного, особенно в отделе прощесвий.

— „Недавно рассказывал он. — я прочитал в „Татарском Вестнике“, как какой-то узник сидел долго в тюрьме и, наконец, ему объявили перед вечерней переключкой, что он помилован.“

Часто А. П. излагал Вишневецкому свои наблюдения о том, что заключенный слышал в ту минуту, когда ему объявлял свободу и что могло происходить с его женой и родными, когда он вернулся к ним. Вообще, о свободной человеческой личности и о тюрьмах А. П. любил говорить много.

Покончив Люблиновку, Вишневецкий застал однажды А. П. сидящим в саду на скамейке недалеко от доменной церкви, в которой пил в это время служение. Под праздник и рано утром в праздник нередко можно было видеть А. П. сидящим на этой скамейке. На колокольни гудел звон. А. П. сказал:

— „Лучше и краше церковного звона ничего нет; так его люблю“.

На вопрос Вишневецкого, чьим вышло это слово, А. П. ответил:

— „Это все, что осталось у меня от моей прежней религии“.

Приведем еще несколько отрывков из воспоминаний П. Потапенко о Чехове, печатающихся в „Ниве“.

А. П. Чехов не любил фигурировать на больших обьдах, особенно посвященных чествованию какого-либо писателя.

Между тем стоило только А. П. приехать в Москву, как на него набрасывались литераторы и терзали своими усиленными вниманием.

О чествовании Чехова особенно старался В. А. Гавров, издатель „Рус. Мысли“.

Приглашенный на обьды, Гавраки к утру, А. П. врался, устал, но в конце концов с чуть сердитым лицом вжал, а потом ожидался.

Не всегда, однако, так бывало. Случалось, что А. П. в самый решающий момент обманывал возлагавшие на него ожидания и удирал из Москвы.

Так было и во время большого обьда, устроенного Чеховым в честь обьдавшего приехать из Петербурга Григорьяча.

Весь обьдал встречл А. П. с Григорьячем, который, вьд, „открыл“ Чехова.

Эта перспектива привела А. П. в самое мрачное настроение.

Мягкий и деликатный, он вдруг сдлался строг ко всему и ко всем и даже рьак отблал на вопрос:

— Так вечеру, однок. А. П. стал жалеть кь тому вернуть его обьдний юмор, и сразу от времени он прервал свое молчание срывочными фразами от какой-то никому невьдомой рьчи:

— „Глубокоуважаемый и достоитный писатель... Мы собрались здесь тьной семьей“.

Потом послы молчания, опять: „ваша дружная писательская семья, вь ваших лиц, глубокоуважаемых“.

— Что ко ты? — Спросил его г. Потапенко.

— А это я вь твоей рьчи, которую ты сказал на обьде в честь Григорьяча.

— Почему же из моей? Ты бы лучше из своей что-нибудь.

— Так я же завтра уважаю.

— Куда?

— В Мелыхово.

Потапенко возмущался: „Тогда А. П. оть врлать свои доводы.“

— Вьд это же понятие — вьд открыл Григорьячем, сдлательство, должен говорить что-нибудь, а именно рьчи. И при этом непременно о том, как он меня открыл. Иначе же будет неубоиво. При этом я должен плакать, а это выше моих сил. Словом, я не обьдала являть чуждым.

И Чехов увал.

Огорчен по поводу отсутствия Чехова было всеобщее. Потапенко пытался произнести рьчи о том, как Чехов хотел быть на обьде, но внезапно заболел. Рьчи, однако, он не кончил... Занкучел... На помощь ему встал Григорьяч, говоривший о том, что он открыл талант Чехова и т. д., словом, все произошло так, как ирисовал вьд А. П.

Бѣжалъ однажды А. П. изъ Москвы и одного своего пріятеля, Н..., „трагическаго смѣха котораго онъ не могъ выносить, хотя относился къ нему искренно и сердечно.

Пробывъ въ Москвѣ всего одинъ день, Чеховъ пришелъ домой и заявилъ, что сейчасъ же уѣзжаетъ къ Мелихово.

— Почему?

— Возвратилъ Н... Вчера пріѣхалъ. Остановилъ извозчика, заключилъ меня въ объятія и объявлялъ, что сегодня придетъ къ намъ на весь вечеръ. Вотъ и тебѣ велѣлъ кланяться. Ну, такъ ты ужъ его прими, а обо мнѣ скажи... Ну, скажи, что хочешь...

Никакіе доводы не помогли. Напрасно другъ изъвивалъ, что можно ѣзди куда нибудь. Искра постать записку Н... А. П. все твердитъ:

— Все равно онъ найдетъ меня и будетъ смѣяться. Вѣдь онъ юмористъ и ужасно любить смѣяться,—а это трагедія.

* * *

Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что Чеховъ не умѣлъ любить и жалѣть людей. Этому умѣнья у него было слѣдствіе много.

Потрясающе отмѣчаетъ его отношеніе къ странной судьбѣ недавно умершаго писателя Щеглова.

Чеховъ искренно жалѣлъ Щеглова и говорилъ, что его здоровый нѣкогда талантъ „заболѣлъ неизлечимой болѣзью“. Его соблазнялъ театръ.

Въ Петербургѣ А. П. охотно встрѣчался съ Д. И. Маминымъ—Сибирякомъ. Этотъ писатель интересовалъ А. П. какъ будто все пріглядывался къ нему.

Заинтересовавшись Маминымъ, А. П. взялся перечитать его произведенія и какъ то заговорилъ объ этомъ съ авторомъ воспоминаній.

— А знаешь... Я про Мамина. Онъ въ книгахъ такой же точно, какъ и въ жизни. Тотъ же черноземъ—жирный, плотный, сочный, который плеску лѣтъ можетъ родить безъ удобренія. Растутъ въ немъ дикіе злаки и травы, имъ же нѣсть числа, а въ гущинѣ ихъ живутъ на волѣ зайцы, стрепеты, куропатки и перепела. Это та степь, которая воспѣта Гоголемъ.

— Ты хочешь сказать, что онъ не культуренъ?

— Да вотъ слава Богу, за культурность онъ не гоняется. Но зато въ каждомъ его разсказѣ какой-нибудь Моль Бурже издается бы матеріала на пять толстыхъ романовъ. Знаешь, когда у читалъ маминскія писанія, то чувствовалъ себя такимъ жиденькимъ, какъ будто сорокъ дней и сорокъ ночей постился.